

Литература

1. Алиев Г. А. Обращение президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева к народу Азербайджана в связи с наступлением нового 2001-го года, нового века и нового тысячелетия. – Баку, 2001. – 55 с.
2. Босворт К. Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Пер. с английского П. А. Грязневича / Ответственный редактор И. П. Петрушевский. – М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971. – 324 с.
3. Browne E. G. A history of Persian literature in modern times (1500 – 1924). – Cambridge, 1924. – p. 317.
4. Haas W. Iran, New York. – Columbia University Press, 1946. – p. 273.
5. Lapidus I. M. A history of Islamic societies. – Cambridge University Press, 1990. – p. 1002.
6. Lockhart L. Nadir Shah. – London, Lucas Co, 1938. – p. 313.
7. Shaw S. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. V. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280–1808. – Cambridge University Press, 1976. – p. 327.

Миф и утопия демократии

Шириняц А. А.

Аңдатпа

Автор аңыз шығару процесі үздіксіз, ал аңызды адаммен қоғамды қозғаушы және ынталандырушы күші ретінде қарастырады. Қазіргі заманғы аңыз саясаткерлердің идеологиялық қаруы болып отыр. Сонымен қатар автор қол жеткізбейтін арман, қоғамның сәтсіздікке ұшырайтын жай-күйі идеясы ретінде айқындалатын утопия ұғымына назар аударады. Бірақ, дегенмен де аңызсыз және әлеуметтік утопиясыз тарих мүмкін емес.

Аннотация

Автор рассматривает процесс мифотворчества как непрерывный, а сами мифы как движущую и стимулирующую человека и общество силу. Современный миф есть идеологическое оружие политиков. Также автор обращается к понятию утопии, которая определяется как недостижимая мечта, идея совершенного состояния общества, обреченная на неудачу. Но, тем не менее, без мифа и социальных утопий история невозможна.

Abstract

The author considers the myth-creation as a non-stop process with the myths themselves considered as the power moving and motivating a person and the society. Contemporary myth is an ideological weapon of politicians. Also the author refers to the notion of utopia defined as an unachievable dream, the idea of the perfect state of society pre-destined to failure. However, the history is impossible without myth and social utopia.

Во время одной из дискуссионных встреч с польскими коллегами в Лодзи зашла речь о том, что в основе любых общественных трансформаций лежит некий теоретический «проект». На мой взгляд, во-первых, не всегда общественные трансформации основываются или ориентируются на теоретические конструкции, во-вторых, те, что задумываются «в тиши кабинетов», всегда имеют результаты, далекие от ожидаемых. Я задал коллегам вопрос: какой «демократический проект» осуществляла «Солидарность», какая теоретическая модель была у Леха Валенсы? Конкретного ответа я не получил. Думаю, у этого движения не было никакого теоретически обоснованного проекта, двигали людьми некие миф и утопия, назовем их мифом свободы или утопией солидарности.

Миф и утопия органично связаны с культурой общества, и постольку, поскольку общество – это люди, а люди – это кладезь загадок, вряд ли когда-либо можно будет определить достоверно схему возникновения мифов – даже наука здесь бессильна. Можно лишь с уверенностью утверждать одно: мифы никогда не исчезнут, вопреки наивным ожиданиям просветителей XVIII–XXI веков. Напротив, в процессе исторического развития человеческое сознание все больше мифологизируется, а сам человек с большой охотой погружается в мир «виртуальных» реальностей. Технический прогресс и прочие достижения только приближают наступление мира иллюзий на «действительную» реальность.

Миф притягателен тем, что он доступен пониманию, а понятен потому, что представляет собой фактически часть человеческого сознания. Миф – это иллюзия, но он так влияет на ход событий, что его вполне можно назвать частью реальности. Современные мифы – это стратегическое оружие политиков всех мастей, ведь там, где политика – непременно присутствуют идеологии, а ни одной из них, как известно, не суждено быть примененной на практике в «первозданном виде». Ядро идеологий – утопия, это несбыточная мечта, к которой всегда стремятся и которую невозможно достичь. Но, как любая мечта, миф имеет свой смысл и свое значение: он мобилизует людей, направляя их энергию, их действия на конкретный объект.

Однажды Н. А. Бердяев очень верно заметил, что главным бесспорным свойством утопии является отнюдь не ее «антинаучность», «неосуществимость» или «видение грядущей гармонии». Существенное свойство утопии – ее внутренняя противоречивость, обусловленная объективным «трагизмом» человеческой истории. Первый и главный признак утопии – целостность. Суть ее в том, что человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном, совершенном в своей гармонии. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность. Поэтому она всегда тоталитарна и, по определению, всегда враждебна свободе, которая предполагает, что жизнь не окончательно регулирована и рационализована, что зло должно быть побеждено «свободным усилием духа». Противоречие «тоталитарности» и «свободы» – главное противоречие утопии, более того, как это ни парадоксально, но «свобода, свободная жизнь оказывается самой неосуществимой утопией» [1, с. 354]. Еще один существенный признак утопии – то, что она всегда заключает в себе ложь, предполагая бессознательный («миф») или сознательный («доктрина») обман. Суть этой вольной или невольной лжи – в глубинном противоречии утопического и реального, замысла и результата. Осуществленная на практике утопия, и с этим нельзя не согласиться, – «совсем не есть осуществление того, к чему стремились и за что боролись, принося страшные жертвы», считает все тот же Бердяев [1, с. 354].

И, тем не менее, без мифа и социальных утопий невозможна история. Они являются движущей силой «исторической судьбы» человека, так как в их основе всегда «элементарная и маленькая вещь» – практический интерес, потребность изменить непереносимую «прозаическую реальность». Бердяев в этой связи приводит пример социальной утопии Маркса, заключающую в себе идею совершенного, гармонического состояния общества не менее, чем проекты великих утопистов-социалистов: «Социализм есть социальная утопия, и он опирается на мессианский миф. В этом смысле он никогда не будет осуществлен в пределах этого мира, в царстве Кесаря. Но с другой стороны, социализм есть суровая и прозаическая реальность, есть необходимость в известный час истории. В этом смысле социализм, вне утопии и мифа, есть очень элементарная и маленькая вещь – устранение безобразной эксплуатации и непереносимых классовых неравенств» [1, с. 355].

Утопию с мифом сближает то, что они обязаны своим рождением кризисам и развиваются вдоль линий наибольшей социальной напряженности.

Достоевский как-то сказал о русских революционерах, что ими двигали не мысль, не какая-либо идея, а лишь «беспокойство и нетерпение», правда, при этом уточнил, что существ-

вуют некие «передовые», «которые спешат прежде всех (главная забота) и хотя очень часто с глупейшею, но все же с определению более или менее целью» [2]. Некоторые из «передовых», как, например, С. Г. Нечаев, призывали к массовым убийствам, к тотальному шпионажу, проповедовали «преимущества» полицейского режима, куда более жестокого и всеобъемлющего, чем противостоящий им. Но большинство «вождей», красноречиво используя набор романтически-возвышенной риторики, умели эффектно преподнести публике свои программы и цели. Так, русский революционер П. Н. Ткачев, в одной из самых популярных своих работ «Люди будущего и герои мещанства» писал, например: «У всех народов и во все века появляются, время от времени, люди, жертвующие во имя общественного блага своими личными выгодами и способные во имя этого общественного блага, во имя великой идеи сделать счастливыми своих ближних, на великие подвиги... они предупреждали свою эпоху своими идеями и хотели осчастливить своих ближних несколькими годами или столетиями раньше, чем это сделала бы инертная сила самих обстоятельств... Отличительный признак людей будущего состоит в том, что вся их деятельность, даже весь их образ жизни определяется одним желанием, одной страстной идеею – сделать счастливым большинство людей, призвать на пир жизни как можно больше участников. Осуществление этой идеи становится единственной задачей их деятельности, потому что эта идея совершенно сливается с понятием об их личном счастье. И этой идее все подчиняется, все приносится в жертву...» [3, с. 115]. По едкому замечанию современного публициста С. Н. Бурина, «в этом ограниченном наборе трескотни об «общественном благе», «великих идеях» и «великих подвигах», согласитесь, трудно понять, разглядеть что-либо, кроме готовности «людей будущего» принести в жертву своим химерам всё» [4, с. 6]. Однако справедливости ради нужно уточнить, что жертвовало большинство русских революционеров, в том числе и Ткачев, прежде всего личным благополучием (см. об этом подр.: Ширинянц А. А. Концепция формирования личности «нового человека»: взгляд из прошлого. – М., 1995), и намерения при этом имели самые что ни на есть благие и даже, можно сказать, альтруистические.

Можно привести немало примеров обоснования «великих» (по мысли их создателей) идей; более того, любой мыслитель, на то он и «мыслитель», чтобы формулировать общественно значимые идеи, цели и пропагандировать их. В этом плане и Достоевский был по своему тенденциозен, когда апеллировал к «почве». А современные социал-демократы, например, прямо называют свой идеал «утопией» [5, с. 35, 36, 40], что, в принципе, недалеко от того, что Бурин называет «химерами». Можно напомнить и об осуществлении «великих идей» на практике и убедиться, что ни одна великая идея, пусть ее называют «демократией», «равенством, свободой, братством», «Царством Божиим на земле», «солидарностью» или как-то иначе, нигде или не была осуществлена, или при ее осуществлении «хотели как лучше, получилось как всегда» (В. С. Черномырдин).

Попытаемся быть объективными и проиллюстрируем крылатую фразу российского экс-премьера фактом истории далекой Америки. На заре Североамериканских штатов возникла острая борьба между сторонниками ограничения демократии – партией федералистов, которая настаивала на усилении федеральной власти и ослаблении роли представительных учреждений, и антифедералистами (во главе с Томасом Джефферсоном), – которые выступали за широкое участие граждан в управлении и миролюбивую внешнюю политику. Все люди сотворены равными, утверждал Джефферсон, народ имеет право изменить или уничтожить правительство и т. д., и т. п. [6, с. 167]. Его оппонент – лидер федералистов Александр Гамильтон, министр финансов во время президентства Дж. Вашингтона, утверждал иное: «Говорят, что глас народа – глас божий. Но сколько бы в это ни верили, на самом деле положение обстоит иначе. Народ возбудим и непостоянен, редко способен рассуждать и верно решать» (Речь в Федеральном собрании, 1787 г.). Народ «отомстил»

Гамильтону, выбрав в 1800 году президентом Джефферсона. Последнему вскоре стало ясно, что демократизации общества путем расширения прав и свобод так просто не добьешься; логика событий привела Джефферсона к признанию необходимости внешней экспансии, расширения границ – с целью «увеличения жизненного пространства демократии».

Еще один парадокс демократии. После присоединения Луизианы и Флориды, «республика свободы» в духе Монтескье (о чем вещал Джефферсон) превращается в свободное общество в стиле Гамильтона. Америке повезло. Каждый президент после Джефферсона был, по сути, адептом Гамильтона, что и спасло страну от безжалостного Робеспьера.

Суть этого – не только русского – парадокса и попытался объяснить П. А. Сорокин, формулируя то, что он назвал «законом социального иллюзионизма»: «Все крупные общественные движения начинаются и идут под знаменем великих лозунгов: «царства Божия на земле», «Бога и веры», «братства, равенства и свободы», «водворения справедливости», «прогресса», «демократии» и т. д. Множество лиц, прямо или косвенно участвующих в них, верили и верят, что эти движения призваны «уничтожить вековую несправедливость» и осуществить эти великие идеалы. Последние являются «крыльями», на которых поднимается, ширится и взлетает общественное движение. Они – обычные спутники последнего. Они его «прикрашивают», «пудрят», «расцвечивают» для того, чтобы был возможен энтузиазм и фанатизм, героизм и безграничная вера, необходимые для успеха таких движений. Так было и бывает всегда.

Но вместе с тем, ни одно из этих движений никогда не осуществляло в сколько-нибудь серьезном масштабе выставленных идеалов. Объективная действительность, получавшаяся в результате таких движений, всегда была далекой от выставленных лозунгов» [7, с. 429]. «История зло пошутила и продолжает шутить над людьми в этом отношении», – утверждает Сорокин, приводя примеры давней и недавней (февральской и октябрьской революции 1917 года в России) истории: «христианство дебютировало с лозунгами «царства Божия на земле», «братства», «бесконечной любви» и «равенства», и т. д. Объективным результатом были: иерархия церкви, ад на земле, деспотизм папства, инквизиция, зверства и войны. Реформация шла под лозунгами свободы совести, прав человека, торжества разума и т. п. Объективный результат: сожжение и преследование инаковерующих протестантами и реформаторами, войны и тьма новых суеверий, пришедших на место старых.

Французская революция провозгласила: *egalite, fraternite, liberte*, «декларацию прав человека и гражданина», «религию разума». И никогда не было такого неравенства, зверства, деспотизма и «псевдорационального культа заблуждений», как в годы революции.

Вспомним лозунги мировой войны. Вместо них объективно получили Версальский договор, не требующий пояснений. Не приводя других факторов, утверждаю, что это явления «иллюзионизма», расхождения «тьмы низких истин» от «возвышающего обмана», – явление общее, позволяющее формулировать его в форме особого закона, называемого мною законом социального иллюзионизма» [7, с. 429–430].

Своему современнику Сорокину вторит Бердяев, рассуждая о том, что «удавшаяся революция, есть всегда неудача». «Про революции, – пишет он, – одинаково нужно сказать, что они осуществимы и неосуществимы. Они настолько осуществимы, что их почти невозможно остановить. И они неосуществимы потому, что в них никогда не реализуется то, к чему стремилось первое поколение делавших ее революционеров (выделено мною – А. Ш.). Так всегда происходит» [1, с. 354].

И тем не менее, миллионы людей что-то «строят», повинуюсь указаниям своих «мастеров». Суть, видимо, не в том, что выдвигаются какие-то общественные идеалы, цели, программы, теоретически обосновываются и пропагандируются. («Слово», как известно, первично по отношению к «Делу»). И не в «социальном гипнозе», объясняемом законами психологии. Суть,

видимо, все же в изначально неверном принципе – в «проектировании», в «проектировании». Может быть, прав был Бердяев, когда беспелляционно утверждал, что совершенный и гармонический строй не может быть осуществлен в пределах этого мира, в «царстве Кесаря», и мыслиться должен эсхатологически, как царство свободы в «царстве Духа» [1, с. 355].

Другими словами, не нужно слепо следовать умозрительным теоретическим проектам, достаточно признать их как некий абстрактный ориентир собственного личного совершенствования и не пытаться навязывать свои идеалы и ценности окружающим людям. Даже в эпоху трансформаций.

Литература

1. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. – М., 1995.
2. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1974. – Т. 10. – С. 354.
3. Ткачев П. Н. Люди будущего и герои мещанства. – М., 1986. – С. 115.
4. Бурин С. Н. Судьбы безвестные: С. Нечаев, Л. Тихомиров, В. Засулич. – М., 1994. – С. 6.
5. Лафонтен О. Общество будущего: Политика реформ в изменившемся мире. – М., 1990.
6. Декларация о независимости // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. – М., 1957.
7. Сорокин П. А. Современное состояние России // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. – М., 1994.

Public administration reforms in Lithuania and new governance possibilities

Arvydas Guogis,
Vainius Smalskys

Аңдатпа

Мақалада 1990 жылдан бастап Литвадағы мемлекеттік басқару реформалары талданады, сондай-ақ жаңа басқару (New Governance) тұжырымдамасының Литва үшін маңыздылығы сараланады. Мемлекеттік басқару реформасын құқықтық жүзеге асыру қазіргі Литвадағы жемқорлықты азайту, ашықтық, демократия, үкіметтік емес ұйымдардың қатысуы мен белсенді рөліне қарай аса оңтайлы үлгі ретінде жаңа басқарудың нормативті үлгісімен үйлеседі. Мақаланың соңғы жағында авторлар Литвада жаңа басқару нысандарын табуға бола ма? – деген сұрақ қояды. Оның жауабы Литвада әлеуметтік қызметтер мен қоршаған орта саласындағы жаңа басқарудың кейбір элементтерін ішінара қолданумен анықталады, сонымен қатар оны қолдану аумағын кеңейту қажет.

Аннотация

В статье анализируются реформы государственного управления в Литве с 1990-го года, а также представлено значение для Литвы концепции нового управления (New Governance). Правовое осуществление реформ государственного управления в статье коррелирует с нормативной моделью нового управления как наиболее подходящая модель в современной Литве в силу минимизации коррупции, прозрачности, открытости, демократии, причастности, участия и активной роли неправительственных организаций. В последней части статьи авторы ставят вопрос: можно ли найти формы нового управления в Литве? Ответ состоит в частичном применении некоторых элементов нового управления в сфере социальных услуг и окружающей среды, но признается, что все еще необходимо расширить сферу его применения.